

А. В. Апанасенок

**ИДЕАЛЫ И ЦЕННОСТИ РУССКИХ СТАРОВЕРОВ В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на материалах Центрального Черноземья)**

В статье рассматриваются особенности мировоззрения русских старообрядцев во второй половине XIX – начале XX в. Опираясь на источники центрально-черноземного региона, автор анализирует взгляды старообрядцев на историю, окружающий мир и собственную роль в нем. В статье показано, что главными ценностями для староверов в условиях российской модернизации оставались традиция, религия и община.

А. Аpanasenok

**IDEALS AND VALUES OF RUSSIAN OLD BELIEVERS IN THE TIME
OF RUSSIAN MODERNISATION OF THE SECOND HALF OF THE 19th
AND THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES
(based on the materials of the Central Black-Soil region)**

The article is devoted to the particularities of Russian Old Believers' world outlook in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. Basing on the materials of the Central Black-Soil region, the author analyses Old Believers' attitudes to history, the surrounding world and their own role in it. The author shows that Old Believers were keeping tradition, religion and commune as their main values in the age of Russian modernisation.

Вторая половина XIX – начало XX в. вошли в историю как период интенсивной модернизации Российского государства. Характеризуя эту эпоху, современные исследователи прежде всего обращают внимание на быстрый экономический рост, трансформацию социальной структуры, изменение политической системы, становление системы народного образования¹. Однако не менее важной составляющей модернизационных процессов стала трансформация сознания населения, выразившая себя в освобождении от патриархальных представлений и секуляризации. «Дедовские» традиции, равно как и религиозные устои, стремительно теряли прежнюю силу. Система ценностей широких слоев общества начала меняться: в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, не свойственных патриархальному обществу². Под влиянием развивающихся капиталистических отношений в деревне на смену традиционным крестьянским идеалам стали приходить «умственность» и индивидуализм. Многочисленные

публикации в местных и центральных периодических изданиях того времени свидетельствуют о падении авторитета священнослужителей и нежелании многих крестьян активно участвовать в жизни своих приходов³. Предельно откровенно эту мысль сформулировал К. Победоносцев: «народ сегодня предпочитает кабаку православному храму»⁴.

Однако столь сильное влияние модернизация оказала не на всех подданных империи. Именно во второй половине XIX – начале XX в. стал очевиден культурный разрыв между большей частью российского общества и его наиболее консервативной частью – старообрядчеством. Известный исследователь староверия И. И. Юзов пришел в это время к выводу, что «раскольничье мирозерцание построено на совершенно иных началах, нежели то, которое положено в основание нынешнего общественного строя»⁵. Цель этой работы – охарактеризовать эти «начала», т. е. идеалы и ценности «ревнителю старой веры» в пореформенный период. При этом в качестве фактологической базы используются источ-

ники центрально-черноземных губерний России⁶. В частности, автором рассматриваются сочинения староверов, духовные стихи, пословицы, поговорки, популярные в среде «ревнителей древнего благочестия», документы, отображающие полемику с церковными миссионерами, заявления, сделанные на старообрядческом съезде 1906 г.

Как известно, основу идеологии староверия составляет идеализация прошлого, сочетающаяся со скептическим отношением к настоящему. Корни такого отношения к действительности уходят в XVII в., когда никоновские реформы совпали по времени с окончательным закрепощением крестьян, насильственной европеизацией и бюрократизацией страны, превращением церкви в казенное «ведомство православного исповедания». Часть населения тогда почувствовала, что «святая» патриархальная Русь постепенно превращается в чуждое и жестокое европеизированное государство, а новые богослужебные обряды — символ этой перемены. Последовавшие вскоре гонения и казни укрепили старообрядцев в мысли о пагубности перемен. Постепенно у них сложилась своя философия истории, в которой дониконовская Русь, «сияющая верой», противопоставлялась отошедшей от «истинного православия» императорской России, а старые обычаи — новым «латинским прелестям».

Источники второй половины XIX — начала XX в. свидетельствуют, что и в этот период отношение к миру у старообрядцев определялось эсхатологическими представлениями, согласно которым судьба земного мира тесно связана с судьбой «истинной веры». Общепринятой в старообрядческой среде была теория «Москва — Третий Рим», провозглашавшая, что «два Рима пали, а четвертому не быть». Согласно такому пониманию истории, падение «истинно православной Москвы» означало конец прогрессивного развития и начало регресса, явный признак завоевания мира антихристом. Именно поэтому «справа книг» патриархом Никоном, означав-

шая, по мнению староверов, отход от истинной веры, была наполнена глубоким и трагическим смыслом для будущего. Вот какие строки находим в рукописи беспоповцев Рылъского уезда Курской губернии, распространявшейся в 70–80-е гг. XIX в.: *«По поущению Святого и Праведного Бога, за умножение ради грех наших, прия власть сын погибельный прельщати весь мир и прельщает и мало не весь мир прельсти; ибо от 166 лет третий Рим отпаде, а четвертому не быть. Падение всемирное и несчастное, и в первое благочестие прийти уже безнадежное. О сем вся Россия слухом наполнена, каковое было народу от Никона и учеников его, за содержание древнего благочестия, кровопролитие и сажжение, а наипаче за крестное знамение, егда отец доказывал на сына, а мать дочь на суд предавала. Кто о сем времени слыша, не наречет его достойное плача?»*⁷.

Не менее яркая оценка произошедшим в XVII в. событиям (и одновременно состоянию современного мира) дается в духовном стихе староверов-«ветковцев», записанном в начале XX в.:

*«По грехам нашим на нашу страну
Осени облак зело мрачный
Солнце угаси лучи светлые
И свет свой не яви на лице земли...
В тысяча шестьсот шестьдесят шестой
Антихрист возмутит всю вселенную»*⁸.

Характерной для всей старообрядческой среды особенностью была уверенность, что мир «поврежден ересями». В пословицах и поговорках, цитируемых православными миссионерами, настойчиво проводится мысль о том, что прошлое лучше настоящего: «Жизнь стала хуже, люди стали хуже», «Много нового, мало хорошего, что новизна, то и кривизна», «Все по-новому, а когда же по-правому?»⁹. Старина постоянно выступала старообрядцами в качестве образца для подражания: «Деды и отцы наши были и умнее нас, и грамотнее», «Прежде жили — не тужили, теперь живем — не плачем, так режем». Эпитет «старинное» и в начале XX в. был лучшей похвалой для любого явления или вещи.

Скептически относясь к современному порядку, староверы противопоставляли ему идеализированный «старинный и праведный», своеобразно отраженный в сказании о Беловодье. В нем говорится о существовании «святой страны», жители которой ведут праведную жизнь. Советский исследователь К. В. Чистов классифицировал это сказание как социально-утопическую легенду¹⁰, однако можно утверждать, что многие староверы в рассматриваемый период искренне верили в существование заветной страны: об этом свидетельствуют «маршрутники» с указанием дороги туда, ходившие по рукам в старообрядческих селах. Один из них был изъят полицией у крестьян с. Благодатного Рьльского уезда Курской губернии в 1889 г. и впоследствии опубликован в «Миссионерском обозрении» в качестве доказательства «темноты» старообрядцев¹¹. Автор «маршрутника», «инок Михайла», описывает сначала путь в Беловодье, якобы лежащее за «китайской землей», где-то в районе «Опонского царства» у «акияна-моря». Затем он рассказывает о самой стране. Населяют ее «Христовы подражатели», бежавшие туда от Никона и папы римского. На свою землю они никого не пускают, кроме благочестивых людей (т. е. старообрядцев), а сами живут в богатстве и счастье, храня старинные порядки и истинную веру. Там «святых соборных церковей до ста, и святейший патриарх — отец Иоанн и три митрополита», служащие по старым обрядам. «Жизнь там беспечальная. Сберегается и процветает на Беловодье святая, ничем не омраченная вера со всеми благодатными средствами спасения», «тамо Антихриста не может быть и не будет»¹².

Идеализация старины определила традиционализм староверов и бережное отношение к обычаям. Характерную фразу в этом отношении произнес на старообрядческом Соборе 1913 г. старообрядческий архиерей Иоанн (Картушин): «Нам надо вернуться назад, в XV в., — там люди спасались! Нам надо оставаться таким, какими мы были»¹³. Также весьма показательны, что при попыт-

ках увещевания местными священниками курские староверы часто отвечали: «Не нами заведено, не нам и изменять наши обряды»¹⁴. Эта фраза не была простой отговоркой, в ней проявлялась истинная убежденность в том, что только следование традициям предков является правильным путем для человека. Отсюда и характерное для старообрядцев почтительное отношение к старшим — «над старцем не смейся, зане старец старое знает, правду возвещает»¹⁵.

Себя староверы рассматривали в качестве последних «истинных христиан», «содержателей благочестия и пресветлого правоверия»¹⁶, что предполагало некую мессианскую роль в мире. «Мы содержим истинно православную веру», — фраза, имевшая место во всех диспутах старообрядцев с «никонианами». Далее, как правило, следовали доказательства, что в мире остается только небольшая группа ревнителей старины, которые только и смогут спастись во время Страшного суда.

Вообще, проблема спасения занимала главенствующее место в мировосприятии староверов. Она обусловила повышенную религиозность, набожность, эсхатологическое толкование явлений повседневной жизни. Любое действие толковалось с точки зрения его соответствия православным канонам с неотъемлемым вопросом — «не будет ли греха?». Постоянно присутствовавшие мысли о спасении проявлялись и в повседневной речи. Так, этнограф И. С. Абрамов, путешествовавший в 1906 г. по Черниговской и Курской губерниям, описал старообрядческие приветствия. Заставая человека на молитве, староверы произносили:

— Ангел вам на молитву!

— Спаси Христос! — следовал ответ.

Если встреча происходила в обеденное время, то говорилось:

— Ангел вам на трапезу!

— Спаси Христос. Жалуйте к нам¹⁷.

Православная культура противопоставлялась в сознании староверов «мирской». Последняя оценивалась негативно, отчас-

ти и потому, что ассоциировалась с Западом и «латинством». Отношение к Западу было явно отрицательным, так как именно оттуда исходили как обрядовые, так и бытовые «еретические новшества», введенные «на Руси» во второй половине XVII — начале XVIII в.:

*«Вместо Христова Креста —
крыж латинский,*

За святые иконы — картины.

За крещение — обливание, вместо

ладана — табак мерзкую

В знамение креста двоеперстного,

Щепоть гусную троеперстную;

За благолепие — брадобритие», — говорится в старообрядческом духовном стихе, записанном в 1906 г.¹⁸

Неприятие западной культуры, будучи устойчивой мировоззренческой чертой староверов, постоянно проявлялось в их среде в рассматриваемый период. Так, для истых «ревнителей старины», чтобы отказаться от модного покроя платья, брадобрития, косметики, светской музыки и танцев, достаточно было одного аргумента, предлагаемого написанной в то время «Историей Ветковской Церкви»: «сие есть порождение западного костела, ересей латинских, лютеранских и кальвинских»¹⁹.

Достаточно распространены были и народные поговорки примерно с таким же смыслом. В Курской и Воронежской губерниях часто встречались, например, такие: «Кто фрак кургузый одевает, тот себя в хламиду адскую облачает», «Кто трубку в уста пихает, тот сам себя осуждает»²⁰.

Двойственное отношение наблюдалось у староверов к образованию. С одной стороны, у представителей старшего поколения часто встречались высказывания типа «Отцы и деды не знали этого, да жили не хуже нашего», подразумевавшие светскую «ученость»²¹. Наука ценилась ими лишь в связи с религией, как средство познания Слова Божия и душевного спасения. Знания, не имевшие такой связи и такого значения, рассматривались «стариками» как праздное любопытство неглубокого ума

или как лишние несерьезные забавы. Ими признавалась «душеполезность» лишь церковной грамотности (умение читать и писать по-старославянски), дававшей возможность читать священные книги и совершать богослужения в отсутствие священников. Среднее же и молодое поколение к наукам относились более лояльно, о чем свидетельствует наблюдавшаяся в рассматриваемый период тяга к расширению круга изучаемых предметов. Она проявилась в посещении некоторыми старообрядческими детьми церковно-приходских школ и попытках завести собственные²².

Важной чертой старообрядческого мировоззрения было благоговейное отношение к общине. Конечно, в какой-то мере эта особенность была присуща русскому крестьянству в целом (о чем говорят факты первоначального неприятия столыпинских реформ, направленных на разрушение общины²³), однако у «ревнителей старины» она находила эсхатологическое обоснование — в мире, покинутом благодатью, антихристу (или «латинству», неверию и т. д.) можно противостоять только сообща. Цементирующим общину фактором была не экономическая целесообразность, а духовная общность. Только среди «своих» старообрядец мог чувствовать себя комфортно, не подвергаясь дискриминации, насмешкам, будучи уверенным, что в случае необходимости ему всегда будет оказана помощь. Ярким примером общинного духа у староверов может послужить обычай тайной милостыни, распространенный в старообрядческих селах Центрального Черноземья. Не желая оставлять в нужде кого-либо из своей общины, староверы вечерами клали продукты питания или другие полезные вещи на специальную полочку или подоконник со стороны улицы, делясь таким образом с более бедными. Последние могли брать оставленное, не унижая себя просьбами. Интересно, что об этом обычае вспоминал в одной из своих работ В. О. Ключевский, однако как о доброй, но забытой традиции Древней Руси²⁴.

Вполне естественно, что на фоне внешней «неправды» община представлялась старообрядцам единственно справедливым организмом. «Крепче мирского лаптя мужику не найти», «Где у мира рука, там моя голова» — поговорки, весьма распространенные в их среде в то время.

Все описанные особенности мировоззрения староверов могут создать впечатление некоего анахронизма, или, по выражению А. П. Шапова, «окаменелого осколка Древней Руси»²⁵. Однако это не совсем верно, доказательством чего служит специфический мировоззренческий комплекс, отчетливо проявлявшийся у староверов во второй половине XIX — начале XX в. В нем отражалось их отношение к богатству, труду и смыслу хозяйственной деятельности.

Имеющиеся источники свидетельствуют, что в рассматриваемый период старообрядцам были чужды капиталистические отношения в их классическом виде, где центральным понятием является «частная собственность». Так, в начале 90-х гг. XIX в. московское «Общество любителей естествознания, археологии и этнографии» разослало по ряду губерний «вопросные пункты» по «обычному праву» и «верованиям». Ответы собирались среди крестьян сельскими учителями, а затем возвращались в «Общество». Среди них оказались письменно выраженные мнения рыльских старообрядцев, резюмированные следующим образом: «Существует взгляд у крестьян Рыльского уезда, что лес, воду, землю, диких зверей, птиц и рыб следует считать божьими, созданными для всех людей на потребу и в равном количестве...»²⁶.

Полтора десятилетия спустя, в 1906 г. в Москве проходил Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев, призванный выяснить их «нужды и мнения». В работе съезда участвовали более десяти представителей старообрядческих поселений центрально-черноземных губерний, каждый из которых воспользовался возможностью высказаться от имени делегировавших их общин. В целом мнения оказались довольно

созвучными — староверов не устраивала капитализация сельского хозяйства. Ярче всего их точку зрения отразил доклад крестьянина В. Д. Чернухина из села Ивановского Льговского уезда Курской губернии. Там, в частности, говорилось: «Желание наше упразднить относительно земли существующее ныне слово — «частная собственность». Земля должна поступить во всеобщее пользование наравне каждому живущему на ней, как вообще мы все равно пользуемся воздухом, светом и солнечной теплотой в согласность заповеди Божией. Бог по сотворению первых людей благословил их и сказал: «Раститесь и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ею». Народ размножился и наполнил землю, но господствуют ею частные лица незаконно»²⁷.

Такой взгляд на частную собственность (ее отторжение) характерен для патриархального общества, нацеленного лишь на воспроизводство, но не преумножение материального богатства. Для классических капиталистических отношений он неприемлем, а значит, должен был бы сделать старообрядчество самой отсталой в экономическом отношении частью населения губернии. Однако факты свидетельствуют об обратном. Например, староверам Рыльского уезда Курской губернии фактически принадлежала монополия на приносивший немалые доходы промысел по продаже кос в Центральной России²⁸. Есть и другие свидетельства материального благополучия «ревнителей старины». Например, православные священнослужители жаловались, что прихожане часто переходят в «раскол» вследствие обещаний староверов помогать им. «*Что, богатым(ой) быть захотелось?*» — типичный вопрос, который можно было услышать от представителя «господствующей» церкви перешедшему в «старую веру» прихожанину им²⁹. Эти и другие факты позволили постоянному автору Курских Епархиальных ведомостей А. Чистякову утверждать в одной из своих статей: «раскольник всегда богаче православного»³⁰.

Объяснить эту особенность можно, если проанализировать отношение староверов к богатству. В принципе, оно находилось в русле христианской, преимущественно ветхозаветной традиции, согласно которой богатство, нажитое честным путем, само по себе не рассматривалось как грех. Все зависело от его применения. В этом отношении очень показательны содержание популярной в старообрядческой среде притчи об Иове. Иов — это богач, который всю жизнь копил богатство, однако не помогал при этом людям. Бог дважды наказывал его за это — насылал наводнение, затем пожар, однако Иов не менялся. В третий раз Бог ослепил его — и только тогда Иов осознал свои ошибки — раздал все имущество людям, а сам поселился в «келейке». После этого Бог сделал Иова святым и «дал ему вдвое больше того, что он имел прежде»³¹.

Мораль притчи ясна — «неправедное» богатство — зло, но благословен тот, кто наживает его для богоугодного дела. У староверов в качестве такового рассматривалось сохранение и укрепление общины «истинных христиан». Если обратиться к истории создания старообрядческих молелен и храмов Центрального Черноземья, станет ясно, что подавляющая часть из них была построена на средства состоятельных прихожан (Карасевых, Смесовых, Шарашовых, Мальцевых, Белобородовых, Сыромятниковых, Карасевых, Воробьевых и многих других). Порой для этого старообрядцы почти полностью жертвовали свои состояния. Так поступил, например, обоянский богач П. М. Резвых, построивший в своем городе к 1910 г. внушительный храм³². Состояние на постройку церкви в г. Моршанске пожертвовала М. И. Смесо-ва, представлявшая предпринимательскую династию староверов-благотворителей³³. В обоих случаях пожертвования принесли немалую пользу местным старообрядческим общинам, а построенные храмы по праву стали предметом их гордости. Например, о моршанском культовом сооружении тамбовский епархиальный миссионер писал:

«Оконченный постройкой и торжественно освященный в конце 1914 г. Кононом, именуемым епископом Московским, новый храм представляет собой прекрасное здание как по внешнему своему виду, так и по внутреннему благоустройству. Стоит он на видном месте одной из лучших улиц г. Моршанска — Софийке»³⁴. Благодаря целеустремленности и щедрости жертвователей, открытия обоих храмов превратились в заметные события региональной жизни и привлекли внимание центральной прессы³⁵.

Состоятельные староверы заботились об обеспечении молитвенных домов и церквей всем необходимым (иконами, крестами, богослужебными книгами), помогали материально начетчикам и учителям, занимались внецерковной благотворительностью (например, купцы-старообрядцы братья Максим и Дорофей Шарашовы из слободы Михайловки Дмитриевского уезда помимо того, что выстроили моленную, являлись попечителями местного сиротского дома и школы для девочек)³⁶. Понятно, что без подобных вкладов старообрядчество существовать не смогло бы, а значит, под угрозой оказалось бы само существование «истинной древней веры». Поэтому такие люди пользовались большим уважением, а их предпринимательская и хозяйственная деятельность приобретала в какой-то мере сакральное значение, полностью оправдывая себя с точки зрения религии и нравственности.

Интересно, что зажиточные староверы считали себя скорее «управителями» своего богатства, чем полноправными собственниками. В характеристике купца Григория Карасева (являвшегося лидером спасских старообрядцев в 50–70-е гг. XIX в.), данной тамбовским епископом Феофаном, можно прочесть, что тот был «готов все состояние свое положить, чтоб только распространить раскол»³⁷. Тратить деньги «как вздумается» — на роскошь, для самовозвеличения — считалось греховным. Современники отмечали скромность и непритязательность в быту таких «капиталистов». Так, зажиточный крестьянин Трофим Никанорович Воро-

бьев из с. Воробьевка Шигровского уезда, имевший собственную мельницу, маслособойку, огромный яблоневый сад, «богатые нивы» и построивший для односельчан церковь в 1907 г., ходил в дырявых сапогах³⁸.

Важно отметить, что установка на активную хозяйственную деятельность присутствовала в сознании большинства старообрядцев – чтобы поддерживать достойное существование «древлей веры», нужно трудиться. Тогда можно будет приобретать старопечатные книги, иконы, содержать священника и начетчиков, а в случае необходимости и откупиться от притеснений со стороны властей. А кроме того, роль «содержателей истинной веры» обязывала быть примером для остального населения.

Таким образом, модернизационные процессы, ускорившиеся в России во вто-

рой половине XIX – начале XX в., довольно слабо отразились на традиционных идеалах и ценностях староверов. Разрушение патриархальных отношений, ослабление влияния религии и падение авторитета церкви, рационализация и индивидуализация сознания, свойственные в эту переломную эпоху российскому обществу в целом, для старообрядческой среды оказались менее характерны. Вопреки тенденциям российской модернизации, главными ценностями для староверов оставались традиция, религия и община. «Ревнителям старины» часто оказывались чужды классические капиталистические отношения западного типа, свободные от этического регулирования, хотя мотивация хозяйственной деятельности, определяемая религиозным фактором, оказалась довольно высокой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / Под ред. Е. Т. Артемьева. – М., 2000.
- ² Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России. – М., 1999. – Т. 1. – С. 334.
- ³ См., напр.: *Лесков Н.* Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства // Исторический вестник. – 1882. – № 6. – С. 485–496; Развитие сектантства и православная миссия в Фатежском уезде // Миссионерский листок. – Курск, 1913. – № 2. – С. 14.
- ⁴ *Побеноносцев К. П.* Письма к Александру III. – М., 1926. – Т. 2. – С. 124.
- ⁵ *Юзов И. И.* Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. – СПб., 1881. – С. 5.
- ⁶ В центрально-черноземных губерниях (Курской, Тамбовской и Воронежской) в рассматриваемый период имелось более ста населенных пунктов со старообрядческим населением. См.: *Апанасенко А. В.* «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX в. – Курск, 2008.
- ⁷ *Танков А. А.* Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. – 1898. – № 15. – С. 151.
- ⁸ *Абрамов И. С.* Старообрядцы на Ветке. – СПб., 1907. – С. 31.
- ⁹ См.: *Танков А. А.* Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским Епархиальным ведомостям. – 1898. – № 17. – С. 175.
- ¹⁰ См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. – М., 1967. – С. 253.
- ¹¹ См.: Маршрут в древлеправославное «Беловодье» // Миссионерское обозрение. – 1900. – № 2. – С. 350–351.
- ¹² Там же.
- ¹³ Цит. по: *Круглов Ф.* Раскол старообрядчества в 1913 году // Миссионерское обозрение. – 1914. – № 1. – С. 164.
- ¹⁴ *Танков А. А.* Из истории раскола в Курской епархии. // Прибавление к Курским Епархиальным ведомостям. – 1898. – № 17. – С. 175.
- ¹⁵ Цит. по: *Шилов В.* Раскольничьи сказки, легенды и поговорки. – СПб., 1900. – С. 51.
- ¹⁶ См., напр.: Беседы со старообрядцами // Курские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 22. – С. 429.

¹⁷ *Абрамов И. С.* Старообрядцы на Ветке. — СПб., 1907. — С. 21.

¹⁸ Цит. с сохранением орфографии и пунктуации по: *Абрамов И. С.* Указ. соч. — С. 31.

¹⁹ См.: *Ксенос.* История и обычаи Ветковской церкви // Древлеправославный календарь на 1994 год. — Новозыбков, 1993. — С. 91–94.

²⁰ Цит. по: *Шилов В.* Указ. соч. — С. 54.

²¹ См., напр.: *Чередников И.* Самое верное начало противораскольничьей миссии // Миссионерское обозрение. — 1906. — № 9. — С. 269.

²² Об этом говорится, например, в отчете о состоянии Курской епархии за 1908 г. (Российский государственный исторический архив Ф. 796. Оп. 442. Д. 2279. Л. 44). Также см.: *Пругавин А. С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. — М., 1904. — С. 96.

²³ См.: *Прилуцкий А. М.* Курская деревня в годы столыпинского землеустройства (1906–1916 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2002. — С. 20.

²⁴ См.: *Ключевский В. О.* Добрые люди Древней Руси // Семья и школа. — 1988. — № 7. — С. 23.

²⁵ *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и первой половине XVIII вв. — Казань, 1859. — С. 3.

²⁶ Цит. по: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. — М., 1978. — С. 327.

²⁷ См.: Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве. — М., 1906. — С. 279.

²⁸ См.: Курская губерния. Итоги статистического исследования. — Курск, 1887. — С. 201.

²⁹ См., напр.: Отчет Тамбовского Богородично-Казанского миссионерского братства за 1877 г. — Тамбов, 1878. — С. 54–56; *Танков А. А.* Из истории раскола в Курской епархии // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. — 1898. — № 17. — С. 174; Государственный архив Курской области (ГАКО). Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

³⁰ *Чистяков А.* Новые условия в церковной жизни и расколе // Курские Епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1872. — № 11. — С. 674.

³¹ Книга Иова, 42–10.

³² См.: Старообрядческая жизнь // Церковь. — 1910. — № 45. — С. 1123.

³³ См.: Отчет о деятельности Тамбовского Епархиального Богородично-Серафимовского Провозительского Братства за 1915 г. — Тамбов, 1916. — С. 38.

³⁴ Там же.

³⁵ Эти события освещались журналами «Церковь» и «Старообрядец», а также газетой П. Рябушинского «Утро России» в соответствующие годы.

³⁶ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 78. Л. 25.

³⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1580. Л. 2–2об.

³⁸ О деятельности Т. Н. Воробьева можно узнать из документов ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12649.